

К ВОПРОСУ О ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ В КОРЕЕ И ПРИЧИНАХ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1894—1895 гг.

А. Нарочницкий

После разгрома Японии во второй мировой войне американские империалисты вновь пытаются возродить и упрочить в Японии силы агрессии и реакции, чтобы использовать их в новой мировой войне против стран демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Поэтому для народов Советского Союза, для китайского и корейского народов изучение истории японской захватнической политики и разоблачение её грабительской сущности не утратило своего животрепещущего значения и должно приковывать к себе самое пристальное внимание. Предлагаемый очерк касается грабительской политики японских захватчиков в отношении Кореи и Китая накануне японо-китайской войны, от Тяньцзиньской конвенции до 1894 года¹.

Официальным предлогом для нападения Японии на Китай в 1894 г. была «защита независимости Кореи» от Китая и России. Угрозой «независимости» Кореи и даже самой Японии японские памфлетисты, политики и генералы изображали строительство Великой Сибирской дороги. Дальнейшим распространением этой лжи для оправдания японской агрессии занялись японские историки и учёные лакеи американских покровителей японского империализма. Американский историк Трит до настоящего времени отстаивает смехотворную версию возникновения войны 1894—1895 гг. как войны за «независимость» Кореи от Китая². Не менее лживы и попытки оправдать японскую агрессию «перенаселённостью» Японии и «скудостью» её природных ресурсов³. Достаточно сказать, что в самой Японии оставались незаселёнными и совершенно неосвоенными значительные пространства о. Хоккайдо. Факты и документы показывают полную вздорность всех подобных стараний затушевать подлинные исторические корни японской завоевательной политики.

Японская буржуазия и помещики замыслили нападение на Корею и Формозу и захватили острова Лю-кю ещё в 70-х годах XIX в., когда о Великой Сибирской железной дороге не было и речи. В последующие десятилетия японская агрессия также имела совершенно самостоятельные истоки. Для осуществления олигархической власти кучка представителей главным образом феодальных домов юго-западной Японии, пришедшая к власти в результате половинчатой буржуазной революции

¹ Напомним, что Тяньцзиньская конвенция 1885 г. была подписана Ито и Ли Хун-чаном после неудавшейся попытки японцев произвести в 1884 г. переворот в Сеуле и установить там зависимое от Японии марионеточное правительство. По условиям конвенции Китай и Япония отказывались от посылки в Корею своих военных инструкторов и должны были вывести оттуда свои войска. Японские агрессоры достигли при этом значительного формального успеха: в случае возникновения в Корее новых «беспорядков» Япония получала равное с Китаем «право» посылать войска в Корею. Обе стороны обязывались лишь предварительно уведомлять об этом друг друга. Китай в то же время не отказался от притязаний на суверенитет над Кореей. Однако японцы не признали этих притязаний, оставляя себе свободными руки для дальнейшей агрессии. Но Япония была тогда ещё не готова к войне с Китаем, и китайское правительство воспользовалось этим для укрепления своего влияния в Корею, что вызвало сильное недовольство правящих классов Японии.

² P. Treat. The cause of the Sino-Japanese war 1894. «The Pacific History Review», июнь 1946 г., стр. 156.

³ См. Akagi Roy Hidemichi. Japan's foreign relations. Tokyo, 1936.

60-х годов, стремилась отвлечь внимание народных масс от внутренних реформ, переключить это внимание на внешние авантюрные завоевания. Бедность крестьянства, находившегося под двойным — феодальным и капиталистическим — гнётом, нищета рабочих и ремесленников ограничивали рост внутреннего рынка и порождали народные волнения и стачки. Буржуазия искала выхода из создавшегося положения в колониальной экспансии. К военным захватам стремились и помещичье-феодальные круги, состоявшие по преимуществу из самурайства, значительная часть которого занимала офицерские должности в армии и флоте⁴.

Завладение Кореей являлось для них вопросом военной карьеры, выгоды колониальных должностей, обогащения и роста престижа. Японская реакционная буржуазия, военно-феодальные и реакционно-бюрократические круги хотели преодолеть обострение внутренних противоречий в стране путём военно-колониального грабежа⁵. Однако в Японии переход к колониальным захватам осложнялся одновременной борьбой за пересмотр неравноправных договоров. Это обстоятельство давало буржуазии и феодалам возможность прикрывать борьбу за рост вооружений для подготовки захвата колоний требованием усиления страны ради достижения «национальной независимости».

С 1887 по 1893 г. зарегистрированный капитал компаний капиталистов возрос в Японии со 139,1 до 297,99 млн. иен, что свидетельствует о быстром росте капитализма, происходившем при наличии феодальных пережитков, тормозивших расширение внутреннего рынка. Не считая 2,5 млн. иен, приходившихся из названной суммы на компании в сельском хозяйстве, почти весь упомянутый капитал компаний был занят в торговле (57,6 млн.), промышленности (68,2 млн.), железнодорожном (57,9 млн.) и банковом (111,6 млн.) деле⁶.

Ещё до полной ликвидации остатков иностранного гнёта в Японии стали складываться предпосылки для перехода к империалистической стадии развития и зарождались капиталистические монополии. Процесс этот происходил при сохранении у власти феодальных и реакционно-бюрократических элементов, что вело к империализму «военно-феодального» типа. В 80-х годах для борьбы с иностранной конкуренцией и для успешного развития внешней торговли образовались монополистические объединения капиталистов. Эти объединения ещё не затронули слабо развитую тяжёлую промышленность и не являлись ещё монополиями новейшего типа, но подготовляли переход к ним⁷.

Крупнейшие капиталистические фирмы, занявшие впоследствии руководящее положение среди японских монополий, уже в 80-х годах оказывали сильное влияние на политическую жизнь страны. Главарь умеренной партии конституционных реформ («Кайсинто»), партии крупной городской буржуазии, нажившейся на казённых заказах, Окума был глашатаем интересов фирмы Мицубиси⁸ и ярким сторонником колониальной агрессии. Один из влиятельнейших представителей феодальной олигархии, Иноуэ, был связан с фирмой Мицуи и стоял за энергичное проникновение в Корею. С осуществлением агрессивной политики в Корею теснейшим образом была связана деятельность другого влиятельнейшего олигарха, Ито, подписавшего в 1885 г. Тяньцзинскую конвенцию

⁴ По переписи 1889 г., в Японии на 40 млн. 700 тыс. населения приходилось 3 825 чел. высшей знати, 1 993 тыс. дворян (сидзоку) и 38 млн. 70 тыс. «простых людей» (хэймин). См. доклад Шевича от 23 (11) ноября 1890 года. Архив внешней политики России (АВПР). Гл. архив V Аз. 1880. № 50, л. 403.

⁵ См. Е. Жуков История Японии. М. 1939.

⁶ S. Ueyhara. The Industry and Trade of Japan, p. 12. London. 1926.

⁷ В 1880 г. было создано объединение по производству и продаже бумаги, в 1882 г. — текстильное объединение для борьбы с ввозом бомбейской пряжи, позднее содействовавшее укрупнению японских предприятий. Н. Вайнцвейг. Японские концерны, стр. 36—41. М. 1935.

⁸ W. Mc Laren. A political history of Japan, p. 205. London. 1916.

о Корее. Война ради колониального грабежа была ближайшей целью главарей японской армии и флота. Ещё недостаточно мощная для конкуренции с передовыми капиталистическими странами, японская буржуазия вместе с самурайством и военно-феодальной и реакционно-бюрократической правящей верхушкой намеревалась использовать для колониальных захватов своё выгодное географическое соседство со слабыми и отсталыми государствами — Китаем и Кореей. «В Японии... монополия военной силы... или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»⁹.

Но при всех успехах экономического развития и военного усиления Японии возможности для осуществления её агрессивных планов создавались не столько ростом её собственной мощи, далеко уступавшей мощи великих держав, сколько слабостью царского правительства на Дальнем Востоке, не подготовленного в 1886—1894 гг. к ведению там активной политики, и слабостью отсталых феодальных государств — Китая и Кореи. Развитию агрессивных планов японской буржуазии и военно-феодальной верхушки в немалой мере содействовало также полное сочувствие и подстрекательство США, а с начала 90-х годов и сочувствие Англии. Японская агрессия с точки зрения американских империалистов могла лишь облегчить их дальнейшее собственное проникновение в Китай и Корею и внедрение там иностранного капитала.

Усиление в Китае в 60-х и 70-х годах XIX в. англо-французского влияния вызывало недовольство американской буржуазии и её правительства. Англичане оттесняли американцев на задний план также и в Японии. В связи с этим, желая поднять свой престиж в Токио, правительство США всячески поощряло японскую агрессию против Китая и Кореи. Американская буржуазия рассчитывала при этом использовать японскую агрессию в качестве своего рода тарана, способного проложить путь не только японскому, но и американскому проникновению в Корею и на о. Формозу и ослабить тем самым влияние на Дальнем Востоке Англии, России, Франции и других европейских государств.

В 1874 г. советник японского правительства американский генерал Лежандр и американские офицеры принимали участие в подготовке японской разбойничьей экспедиции с целью захвата о. Формозы. Тот же Лежандр подстрекал японское правительство поскорее навязать Корею неравноправный, кабальный договор 1876 года¹⁰. В 1882 г. американский коммодор Шуфельдт, прибыв в Корею на военных судах, угрозами вынудил её заключить неравноправный договор с США. Во второй половине 80-х годов американская миссия в Сеуле и американские советники корейского правительства всячески старались подорвать влияние Англии и Китая в Корее и способствовали японской агрессии. Американский советник корейского правительства Денни откровенно предлагал японским министрам¹¹ свои услуги. Японские захватчики в изучаемый период могли твёрдо рассчитывать на пособничество США.

Но всё же в 80-х годах условия для нападения Японии на Китай ещё не созрели. Во время заключения Тяньцзинской конвенции 1885 г. о Корее и в последующие годы японская армия и флот ещё не были готовы к войне. Руки японского правительства связывало наличие неравноправных договоров, пересмотр которых зависел от политики Англии, до 1890 г. не проявлявшей намерения идти на существенные уступки в этом вопросе. Поэтому, резко увеличив ассигнования на военный бюджет,

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 104. 4-е изд.

¹⁰ Записка Лежандра от 1874 года. АВПР. МИД. 1893—1895. Дешети из Сеула. № 4, л. 342—376.

¹¹ Японский министр иностранных дел Аоки рассказал в 1886 г. об этом Шевичу. Донесение Шевича от 28(16) октября 1890 года. АВПР. Главный архив. V Аз. № 50, л. 389—393.

японское правительство пока что делало вид, что оно удовлетворено условиями Тяньцзиньской конвенции и готово мириться с успехами китайского влияния в Корее. Внутри Японии в 1886—1889 гг. шла ожесточённая борьба вокруг введения конституции и пересмотра неравноправных договоров. Оба эти вопроса стояли в центре внимания политических партий и группировок.

В правительстве и бюрократической верхушке, в армии и флоте главные посты занимали лица, принадлежавшие к феодальной знати и самурайству бывших княжеств Сацума и Тёсю, сыравшие главную роль в свержении власти сёгуна в 1868 году. Командные должности во флоте были заняты «сацумцами», а в армии — выходцами из клана Тёсю. Правительство держало курс на развитие страны по германскому «юнкерско-буржуазному» образцу с возможно более полным сохранением абсолютизма. Однако против этой реакционной политики подымалось сильное оппозиционное движение. Широкие слои средней и мелкой сельской буржуазии и «новых», обуржуазившихся помещиков требовали либеральных реформ, парламентского строя и упразднения олигархии «сацумцев». Либеральных реформ добивалась и городская буржуазия. Во главе оппозиции стояли лица, вышедшие из кланов Тоса и Хидзен, «обделённых» во время переворота 60-х годов и не получивших желаемого влияния на правительство.

В 1886—1889 гг. главное внимание военно-феодальной и реакционно-бюрократической верхушки было направлено на борьбу с оппозицией и на введение возможно более умеренной конституции, которая должна была служить плотной, сдерживающей либеральное и радикальное движения и волнения рабочих и крестьян. Подготавливая введение реакционной конституции, правящая военно-феодальная верхушка с целью привлечь на свою сторону умеренную крупную буржуазию и оторвать её от радикальных элементов ввела институт титулованной аристократии, создала кабинет министров, установила единство денежного обращения и осуществила ряд других реформ.

Одновременно оппозиция вела ожесточённую борьбу против правительства по вопросу о неравноправных договорах; она обвиняла правительство в неспособности добиться отмены этих договоров и заявляла, что флот, находясь в руках «сацумцев» и выходцев из клана Тёсю, не может служить надёжной силой для обеспечения «национальных интересов».

Переговоры о пересмотре трактатов затрудняли осуществление открытой агрессии против Китая и Кореи. Японское правительство опасалось осложнить во время этих переговоров отношения с иностранными государствами и не хотело возбуждать их подозрительность, тем более, что по вопросу о трактатах оно не добилось ещё существенных уступок со стороны Англии. Кроме того японскому правительству было известно, что в 1884—1885 гг. британская буржуазия рассматривала Китай как своего возможного союзника против России. Конфликт между Японией и Китаем был нежелательным для Великобритании. Напротив, в планы британской буржуазии входило подчинение и Китая и Японии своему влиянию и использование их вместе против России.

Особенно преждевременным для правящих кругов Японии было обострение отношений с Китаем в тот момент, когда японское правительство добивалось одностороннего отказа Китая от экстерриториальности китайских подданных в Японии, обусловленной договором 1871 года¹². Китайское правительство, подданным которого не было обещано открытие внутренних областей Японии, не желало, однако, отказываться от консульской юрисдикции для китайцев в Японии иначе, как ценой пол-

¹² Договор этот был основан на принципе равноправия и предоставлял взаимные привилегии экстерриториальности китайцам в Японии, японцам в Китае.

ного устранения японцев из Кореи¹³. Все эти затруднения и вызывали внешне «миролюбивые» манёвры японской дипломатии при переговорах по корейскому вопросу с Россией и Китаем в 1887—1889 гг., манёвры, побудившие русского посланника Шевича даже подозревать, что японское правительство решило полностью предоставить Китаю свободу действий в Корее.

В марте 1887 г. японское правительство сделало русскому поверенному в делах заявление о том, что во взгляде Японии на Корею произошло «коренное изменение». По словам японских министров, правительство Японии отказалось от всяких притязаний в Корее, чтобы улучшить отношения с Китаем в момент пересмотра торговых договоров и ввиду твёрдого намерения Китая отстаивать свой «суверенитет» над Кореей¹⁴. Русское правительство в это время более всего опасалось нарушения статус кво на Дальнем Востоке и стремилось содействовать независимости Кореи. В 1884—1885 гг., когда Россия находилась «на волосок от войны с Англией»¹⁵ и ходили слухи об англо-китайском союзе против России, китайское правительство пыталось предъявить незаконные претензии на русское побережье залива Посет. Поэтому петербургское правительство в изучаемый период смотрело на Китай с большой опаской, как на возможного союзника Англии, и желало установления независимости Кореи как от Японии, так и от Китая. Предъявлять собственные притязания на господство в Корее царское правительство в то время ещё совершенно не собиралось и главную свою задачу видело в том, чтобы предотвратить установление в Корее враждебного России влияния. С точки зрения царского министра иностранных дел Гирса, заявление японского правительства о том, что оно «не заинтересовано» в Корее, могло лишь развязать руки Китаю для полной аннексии Кореи.

Недооценивая японские агрессивные намерения в Корее и растущие силы Японии, Гирс подозревал, что между Китаем и Японией состоялось тайное соглашение против России, в результате которого Корея полностью отдавалась в руки Китая. Шевичу немедленно было предписано заявить японскому правительству и всем иностранным посланникам в Японии, что Россия не одобрит никакой сделки, посягающей на независимость Кореи, и что сама Россия никогда не давала повода подозревать её в подобных намерениях, с которых обычно писала английская и японская печать¹⁶. Японские министры Иноуэ и Аоки заверили Шевича, что Япония придерживается только Тяньцзинской конвенции 1885 года¹⁷.

Осенью 1887 г. Ито объяснял Шевичу, что Япония занята внутренними реформами и желает «мира и спокойствия» в Корее¹⁸.

Более откровенно высказывались военно-морские круги. Адмирал Еномото, весьма близкий к главе правительства графу Курода, заявил Шевичу, что «завоевание» Кореи Китаем вызвало бы «величайшее неудовольствие» в Японии и что «армия и флот никогда не допустили бы подобного решения вопроса»¹⁹. Японская печать пыталась успокоить на

¹³ Телеграмма Шевича из Токио от 12 марта (28 февраля) 1887 года. АВПР. МИД. Яп. стол. 1885—1887. № 1.

¹⁴ Всеподданнейшая записка Гирса от 29(17) апреля 1887 года. АВПР. МИД. Кит. стол. 1887. № 5, л. 65—67. Осенью 1887 г. Ито объяснял Шевичу, что Япония занята внутренними реформами и желает «мира и спокойствия» в Корее.

¹⁵ Ленинский сборник ХХІХ, стр. 284.

¹⁶ АВПР. МИД. Кит. стол. Всеподданнейшие доклады. 1887. № 5, л. 38. Телеграмма Шевичу от 14(2) марта 1887 года.

¹⁷ Там же. Яп. стол. 1885—1887. № 1. Донесение Шевича от 27(15) марта 1887 года.

¹⁸ Там же. V Аз. № 47, л. 275—284. Донесение Шевича от 12 октября (30 сентября) 1887 года.

В то же время японский офицер «Ници-Ници» советовал корейскому правительству не обострять отношения с Китаем, чтобы не спровоцировать последний на решительные действия в Корее и на сопротивление в переговорах об отказе от экстерриториальности китайцев в Японии. Там же, л. 305—310. Донесение Шевича от 8 ноября (27 октября) 1887 года.

¹⁹ Там же.

время китайское правительство и задобрить Англию, делая выпады против России и приписывая ей вымышленные притязания на Корею. Одна из официозных газет, «Хоци Симбун», прикидываясь «другом» Китая, утверждала, что конфликт Японии с Китаем был бы выгоден русским и что лучше пусть Корею захватит Китай, чем Россия²⁰.

В Японии велись переговоры о пересмотре трактатов. С целью расколоть оппозицию реакционная правящая верхушка не раз привлекала в правительство лидера оппозиции Окума. Последний был расположен к сближению с Англией против России и преклонялся перед английским умеренным либерализмом. Он возглавлял клику японских деятелей, группировавшуюся в основанном им «университете Васэда», и вдохновлял враждебную России газету «Майници Симбун»²¹. Невзирая на самое благоприятное отношение России к отмене неравноправных договоров Японии с другими державами, «Майници Симбун» весной 1888 г. опубликовала статью, резко направленную против России, и упрекала кабинет Курода в «руссофильстве», хотя Курода никак нельзя было заподозрить в симпатиях к России²². Приписывая России намерение напасть на Японию, газета заявляла, что «интересы» Японии связывают её с Англией, Китаем и Кореей, тогда как торговые и политические отношения Японии с Россией совершенно незначительны.

Шевич беседовал по поводу этой статьи с министром иностранных дел Окума. Обратив серьёзное внимание на статью, русское правительство, однако, сочло ниже своего достоинства входить по этому поводу в дальнейшие объяснения с японским кабинетом. Отмечая, что «наша политика относительно Японии была всегда проникнута сочувствием к её преуспеянию», Гирс одобрил намерение русского посланника в Токио своей «сдержанностью» в сношениях с Окума показать ему недовольство России столь «неделикатной» статьёй. Одновременно Гирс указывал новому русскому посланнику в Токио Хитрову, что Россия никогда не старалась заручиться поддержкой Японии против других своих соседей, и предостерегал его насчёт «невозможности полагаться на японское правительство», что, впрочем, «нисколько не изменяет нашего убеждения в необходимости поддержания хороших отношений с этой страной»²³.

В 1889 г. крайнее недоверие русского правительства к японской дипломатии побудило его снова попытаться выяснить, не состоялось ли между Китаем и Японией какого-либо соглашения за счёт Кореи. В это время после короткой отставки в правительство вновь был привлечён Окума, получивший при этом титул графа. Окума был известен как сторонник японской агрессии в Корее, но в 1888—1889 гг. ближайшую свою задачу он видел в пересмотре неравноправных договоров.

Желая выяснить у Окума положение с корейским вопросом, русский посланник обратил его внимание на то, что аннексия Кореи Китаем превратит Фузан в «новый Гонконг или Гибралтар», который будет угрожать Японии, и высказался за необходимость сохранения на Дальнем Востоке статус кво²⁴. В дальнейшем разговоре с Шевичем выяснилось, что Окума

²⁰ Перепечатано в «Japan Daily Mail» от 15 ноября 1887 года. АВПР. МИД. V Аз. № 47, л. 317—322.

²¹ Ch. Spinks. The background of the anglo-japanese Alliance («The Pacific History Review». Berkeley, September 1939, p. 329).

²² Следует, впрочем, отметить, что, будучи врагом России, Курода в 80-х годах довольно трезво смотрел на то, что Россия стала тихоокеанской державой. В трёхтомном описании (на японском языке) путешествия, совершённого им в 1888 г. по Европе и Сибири, Курода отмечал, что Россия, «повидимому, навсегда» утвердится на тихоокеанском побережье. АВПР. МИД. V Аз. № 48, л. 98—99. Донесение Шевича от 1 мая (19 апреля) 1888 года.

²³ Статья из «Майници Симбун» была перепечатана в «Japan Daily Mail». АВПР. МИД. V Аз. № 48, л. 123—127. Донесение Шевича от 19 (7) мая 1888 года; там же. Всеподданнейшие доклады. Кит. стол. 1888. № 6, л. 60—65. Проект депеши Гирса к посланнику в Японии Хитрову, отправленной 20(8) июля 1888 года.

²⁴ В. Ламздорф. Дневник 1886—1890. стр. 181—182. М.-Л. 1926.

намерен вести в корейских делах энергичную агрессивную линию под предлогом борьбы с усилением в Корее китайского влияния. «Всё, — сказал он, — что Китай предпримет в Корее, Япония также вправе предпринять. Если Китай «захватит» Корею, то первый шаг кабинета будет состоять в том, что мы испросим у императора чрезвычайный кредит в 10 миллионов иен на военные потребности и на укрепление наших западных берегов»²⁵.

Окума считал, что рано или поздно Корея должна стать добычей Японии, но боялся, что Китай воспользуется затруднениями Японии при переговорах о пересмотре трактатов и усилит свой контроль над Кореей. Пытаясь восстановить царское правительство против Китая, Окума, вопреки всему, что ещё недавно писала «Майници Симбун», пустился на лицемерные заигрывания с Россией и заговорил о выгодности «тесного союза» между Японией, Россией и Китаем для поддержания статус кво на Дальнем Востоке.

В декабре 1890 г. Шевич имел беседу с японским министром иностранных дел Аоки по поводу распространявшихся слухов о требовании Китая разместить свои гарнизоны в Сеуле и других городах Кореи. Аоки также заверил Шевича, что Япония считает себя «равноправной» с Китаем в Корее и что «если Китай возьмёт два, то и Япония возьмёт то же число, если три, то три, и так далее». Шевич был встревожен этим двусмысленным ответом; он заподозрил, что Япония также претендует на ввод своих гарнизонов в города Кореи, и заявил, что Россия «относительно не намерена беспрекословно допускать, чтобы существующее ныне статус кво, которое обуславливает мир и спокойствие на Крайнем востоке, было нарушено какими-нибудь комбинациями, в коих Россия к тому же оставалась бы безучастной»²⁷. Аоки продолжал уверять Шевича в миролюбии Японии, в желании соблюдать статус кво и в отсутствии какого-либо соглашения Японии с Китаем о Корее.

Одновременно с заверениями, дававшимися русским дипломатам, японское правительство и печать всячески запугивали Китай Россией, действуя заодно с британской прессой и агентами английского и германского правительств на Дальнем Востоке. Двухличные японские дипломаты заигрывали с Россией, чтобы использовать её против Китая, и одновременно советовали Китаю пойти на уступки Японии в Корее, уверяя в необходимости японо-китайского сближения против России²⁸. В этом случае осуществился бы «тройственный» блок Англии, Китая и Японии, о чём так много писали английские и японские газеты на Дальнем Востоке²⁹.

Пока Япония не была ещё готова к войне и занималась переговорами о пересмотре трактатов, японские министры запугивали китайцев мнимой угрозой со стороны России и желали удержать Китай от новых мероприятий по укреплению своего влияния в Корее. В 1891 г. Ито предложил Ли Хун-чжану оформить соглашение с Японией о том, чтобы «взаимно не посягать» на какую-либо часть корейской территории, подерживать существующий в Корее порядок государственного управления

²⁵ АВПР. Гл. архив V. МИД. Аз. № 49, л. 38—41. Донесение Шевича от 6 февраля (26 января) 1889 г. с царской пометой: «Это весьма интересно и для нас недурно». Опасаясь Англии и Китая, царь не имел ещё ни малейшего представления о том, что Япония становилась главной угрозой для независимости Кореи.

²⁷ АВПР. Гл. архив V. Аз. № 50, л. 509. Донесение Шевича от 19 (7) декабря 1890 года.

²⁸ АВПР. МИД. Яп. стол. № 2, л. 480. Частное письмо Шевича от 6 января 1891 г. (25 декабря 1890 г.).

²⁹ В 1891 г. лондонская «Standard» и германская «Allgemeine Zeitung» распространили утку о заключении японо-китайского союза против России. 2 октября эти сообщения были опровергнуты в «Jарап Daily Mail». Там же, стр. 896, л. 328 сл. Донесение Шевича от 2 октября (20 сентября) 1891 года.

и в случае нападения какой-либо третьей державы «защищать» Корею вооружённым путём³⁰. Но манёвр японской дипломатии не удался.

Не желая связывать себе руки и не доверяя Японии, китайское правительство отклонило предложение Ито. Оно торопилось использовать время для упрочения своих позиций в Корее. Тогда японская дипломатия снова принялась лицемерно разыгрывать роль «друга» России и пыталась расположить царское правительство к своей политике в Корее.

Нужно отметить, что по отношению к России в Японии не было единства. Старый граф Ито и часть того поколения японских деятелей, которое хорошо помнило враждебную Японии торговую политику Англии в прошлые десятилетия, была склонна к соглашению с Россией³¹. Напротив, более молодое поколение дипломатов, например, Хаяси, Ниси, Като, ясно видевшее перемену в отношениях Великобритании и Японии накануне и во время японо-китайской войны, предпочитало сближение Японии с Англией. Не лишним будет напомнить, что ещё в первой половине 80-х годов англо-японские отношения были натянутыми. Во время конфликта 1885 г. Япония боялась укрепления Англии на острове Гамильтон не меньше, чем утверждения России на берегах Кореи. Но антирусские настроения стали быстро усиливаться, особенно с активизацией японской агрессии в Корее в начале 90-х годов. Этому способствовало то, что некоторые военные и политические деятели Японии сознавали, что предстоящая постройка Сибирской железной дороги и франко-русское сближение укрепят в будущем положение России на Дальнем Востоке и дадут ей возможность оказывать серьёзное противодействие японской агрессии на азиатском материке. Однако в оценке будущего значения Сибирской железной дороги в японском общественном мнении не было единодушия. Многие японские публицисты и газеты уверяли, что и после постройки железнодорожного пути до Владивостока Россия не улучшит своих позиций на Дальнем Востоке, что сама эта дорога может быть использована для японского проникновения в Сибирь. Но было очевидно, что от России нельзя было ожидать благоприятного отношения к подчинению Японией Кореи. В связи с этим в японской печати и публицистике ясно выступало стремление к направленному против России сближению с Англией или даже с Англией и Китаем, вынудив последний уступить Японии свои позиции в Корее. В японской публицистике высказывались идеи, весьма сходные с мнениями английских империалистов. Россию японские публицисты лживо изображали как главного врага Японии, Англии и Китая. Чтобы отеснить Россию и обезвредить её, японские публицисты считали необходимым создать две коалиции: европейскую — из Англии, Франции, Австрии, Турции и Италии — и азиатскую — из Англии, Китая и Японии³². В 1890 г. британское правительство, как мы уже знаем, пошло на серьёзные уступки Японии в деле ревизии трактатов.

Русский посланник в Токио Шевич явно недооценивал и не понимал всей непримиримости японо-китайских противоречий и не на шутку

³⁰ АВПР. МИД. 1892. Кит. стол. № 110, л. 142—143. Устное частное соглашение такого рода состоялось между Ито и Ли Хун-чжаном ещё в 1885 г. при заключении Тяньцзиньской конвенции. В 1891 г. Ито сделал своё предложение через сына Ли Хун-чжана — Ли Цзин-фына, в то время китайского посланника в Токио. Кассини, сообщая обо всём этом, ссылался на «отличный» источник своих сведений.

³¹ R. Akagi. Указ соч., стр. 191—193. «The secret memoirs of count Tadasu Hayashi», p. 10—11, 16—17. London. 1915; Chang Chung-fu. The Anglo-Japanese Alliance, p. 24—26. Baltimore. 1931.

³² См. M. Inagaki. Japan and the Pacific and a Japanese view of the Eastern question, p. 35—41, 69, 254—265. London. 1890. Автор доказывал необходимость континентального союза европейских государств против России и дальневосточного союза Японии, Англии и Китая. Соглашение Китая с Японией для «защиты» Кореи от мнимой угрозы со стороны России и тройственный союз Англии, Китая и Японии против России проповедовала в конце 1890 г. газ. «Ниппон Дзи». Частное письмо Шевича от 6 января 1891 г. (25 декабря 1890 г.) АВПР. МИД. Яп. стол. № 2. Депеши из Сеула 1888—1891. л. 435—436.

был встревожен слухами о сближении Японии с Англией и Китаем. По его мнению, настало время «подумать о могущих возникнуть для нас затруднениях в случае враждебной нам группировки держав на Дальнем Востоке»³³. Сама по себе агрессия Японии в Корее мало тревожила русских представителей в Токио, наивно, по старинке, полагавших, что влияние Японии в Корее не может внушать России «опасений» и служит лишь противовесом Китаю³⁴. В целом же политика царского правительства на Дальнем Востоке, невзирая на японскую агрессию в Корее и притязания Китая на Корею, вплоть до весны 1895 г. оставалась выжидательной и пассивной. Инструкция новому посланнику в Токио, Хитрово, гласила, что русская политика на Дальнем Востоке отличается большой устойчивостью и обуславливается соседством относительно сильных держав — Японии и Китая — и неразвитостью и отдалённостью русских дальневосточных окраин, из чего вытекает желательность «не только мирных, но и дружелюбных отношений» с обоими соседними государствами. В отношении Японии в инструкции подчёркивалось такое же большое миролюбие и расположение, как и в отношении Китая. Это свидетельствует о том, что до попыток Японии захватить Порт-Артур царское правительство не проявляло к ней никакой нарочитой враждебности и не представляло себе действительных размеров надвигавшейся с Дальнего Востока японской угрозы.

В инструкции отмечалось, что «Япония может иметь для нас весьма большую важность в случае серьёзных замешательств на Крайнем востоке. Её порты могут служить убежищем для наших морских сил и предоставлять средства для снабжения всем необходимым. Ничто, повидимому, не препятствует нашему сближению с этой страной, так как между нею и нами не существует никакой принципиальной противоположности интересов». Подозрительность Японии, указывалось в инструкции, вызвана ложными страхами, что Россия хочет захватить Корею, но страхи эти лишены основания. В рамках сохранения мира и поддержания статус-кво на Дальнем Востоке русская дипломатия рассчитывала использовать японо-китайские противоречия в Корее в своих интересах и, противопоставляя японские притязания китайским, содействовать упрочению независимости Кореи³⁵.

³³ Для того, чтобы расстроить проекты англо-японо-китайского союза против России, Шевич даже придумал совершенно сумасбродный и вредный для интересов России план сближения с Японией. Однако одобренная Александром III записка директора азнатского департамента Зиновьева указывала, что 1) между Россией и Японией нет общих интересов, способных надёжно обеспечить дружественные отношения; 2) что англичане, немцы и англо-китайская пресса неустанно стараются возбудить Японию и Китай против России; 3) что Россия слишком слаба на Дальнем Востоке и не может вести там активную завоевательную политику. Зиновьев правильно учёл, что заключение союза с Японией ничего не даст и будет лишь разглашено японским правительством, чтобы скомпрометировать Россию перед Китаем и другими державами. Шевичу было сообщено, что задуманное им соглашение с Японией признаётся неприемлемым. Вместе с тем Зиновьев отмечал необходимость зорко следить за ходом событий и укреплять военные и морские силы России на Дальнем Востоке. См. частное письмо Шевича Н. А. Зиновьеву от 6 января 1891 г. (25 декабря 1890 г.); записку Зиновьева от 9 апреля (28 марта) 1891 г. и телеграмму Шевичу в Токио от 25(13) сентября 1891 года. АВПР. МИД. Яп. стол. № 2. Дешпи из Сеула 1888—1891, л. 432—447, 470—471, 480.

³⁴ Этот примитивный и недальновидный взгляд высказывал прибывший в Токио Хитрово. Копия донесения Хитрово от 27(15) марта 1890 года. АВПР. МИД. Яп. стол. № 2. Дешпи из Сеула 1888—1891, л. 315—320.

³⁵ Инструкция свидетельствует о том, что царское правительство не имело представления о богатствах Кореи и не питало в отношении неё в изучаемый период никаких завоевательных намерений. Излагая взгляд царского правительства на Корею, инструкция указывала, что «по своему географическому положению вышеупомянутый полуостров может сделаться в руках Китая или Японии серьёзной угрозой для нашего Уссурийского края. Не теряя этого из виду, вы сможете, однако, заверить японское правительство, что мы не питаем в соседстве к Японии никаких своеобразных видов. Пожелания наши относительно Кореи ограничиваются поддержанием её самостоятельности.

Япония в инструкции рассматривалась как один из факторов «политического равновесия» на Дальнем Востоке, и особенно нежелательным считалось «тесное сближение» Японии с Англией и Китаем, потому что в Китае преобладало английское влияние, а сближение Японии с Китаем «могло бы совершиться лишь в пользу сего последнего, как сильнейшего из двух высказанных государств»³⁶. Царское правительство не имело никакого представления о том, насколько к этому времени усилилась Япония. Инструкция полагала даже, что Япония могла сочувствовать русскому противодействию англо-китайскому влиянию в Корее. Из этого видно, что действительное соотношение сил Японии и феодального Китая представлялось русским дипломатам в совершенно превратном свете. Как подлинные размеры сил Японии, так и размах её захватнических стремлений оставались не понятыми царскими дипломатами, и японское правительство всячески старалось использовать это обстоятельство, прикрывая свои агрессивные замыслы дымовой завесой «защиты» корейской независимости.



Усыпляя царских представителей в Токио лицемерными заявлениями о защите «независимости» Кореи и временно воздерживаясь от войны с Китаем, японские феодалы и буржуазия продолжали свои упорные попытки экономического внедрения в Корею и захвата там командных, прежде всего экономических, позиций. Попытки эти главным образом касались корейской торговли.

Основным предметом корейского импорта были английские и индийские хлопчатобумажные ткани. С 90-х годов с английскими изделиями стали конкурировать товары японского производства. В 1890—1891 гг. в главный порт Кореи, Чемульпо, поступило товаров английского происхождения 54%, японского — 24%, китайского — 13%, прочих — 9%³⁷. С 1885 по 1889 г. импорт в Корею возрос с 1,8 млн. долларов до 3,4 млн. долларов.

Около половины привозных текстильных изделий составляли английские. Но английских купцов в Корее почти не было, так как торговля большей частью находилась в руках японцев. Около 80% тоннажа торговых судов, входивших в открытые порты Кореи, приходилось на японские суда³⁸. Торговый оборот Японии с Кореей поднялся с 1,75 млн. долларов в 1885 г. до 6,55 млн. в 1890 г. и составлял 80% всей иностранной морской торговли Кореи³⁹. Японцы ввозили в Корею главным образом ткани, и притом не столько японского, сколько преимущественно английского происхождения⁴⁰. Судостроение в Корее преобладало японское. В Фузане обосновались японские торговые дома из города Осака. В 1892 г. из 7 с лишним млн. долларов внешней торговли Кореи на долю Японии приходилось 4,8, а Китая — 2,2, а из 390 тыс. тоннажа судостроения японский тоннаж составлял 326 и китайский — 15 тысяч⁴¹.

Содействуя по мере возможности упрочению её внутреннего устройства, мы не хотим вместе с тем открыто вмешиваться в её дела. Так как Япония, со своей стороны, опасается китайских захватов в Корее, то казалось бы, что, по крайней мере, относительно нашего противодействия этим захватам она могла бы сочувствовать вышеизложенному направлению нашей политики.

³⁶ Проект инструкции новому посланнику в Японии, Хитрово, от 20 (8) сентября 1892 года. АВПР. МИД. Кит. стол. Всеподданнейшие доклады. 1892. № 10, л. 18—26.

³⁷ «Описание Кореи». Т. II, стр. 268. СПб. 1900. Изд. министерства финансов.

³⁸ См. донесение полковника Вогака от 16 (28) мая 1893 года. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 60. СПб. 1895.

³⁹ АВПР. МИД. Яп. стол. № 2, л. 481—484. Донесение Вебера из Сеула от 14 (2) августа 1891 года.

⁴⁰ «The North China Herald» от 17 августа 1894 г., стр. 258.

⁴¹ G. Hayashi. Korean affairs: a Japanese view. «Asiatic Quarterly Review», October 1894.

Японцы следили за тем, чтобы китайская торговля не велась в портах, которые были закрыты для японских купцов. В 1890 г. японское правительство протестовало против развития китайской торговли в устье р. Тайдаоко, в 60 английских милях к северо-западу от Сеула⁴².

Если англо-японская торговля господствовала в портах Кореи, то дальнейшее продвижение её в глубь страны наталкивалось на серьёзные препятствия как внутри Кореи, вследствие низкой покупательной способности корейского населения, так и со стороны Китая, развивавшего свои экономические связи с Кореей. С 1885 г. китайские торговцы преуспевали быстрее японских. Следующая таблица роста оборотов японской и китайской торговли в трёх открытых портах Кореи наглядно показывает этот процесс. Обороты в Чемульпо, Фузане и Генсане (Гензане) составлены в тыс. долл.⁴³:

Г о д ы	Японская торговля	Китайская торговля	Г о д ы	Японская торговля	Китайская торговля
1885	867	252	1890	2 680	1 365
1886	1 144	420	1891	2 789	1 841
1887	1 121	659	1892	2 262	1 813
1888	1 356	693	1893	1 423	1 668
1889	1 407	799	1894	3 088	1 895

В 1885 г. японская торговля в этих трёх портах превосходила китайскую более чем в три раза, а в 1894 г. — всего лишь на одну треть.

Ту же картину дают донесения русского представителя в Сеуле, Вебера, сообщавшего, что перед войной 1894—1895 гг. китайская торговля в Корее увеличивалась быстрее японской; число китайцев, проживавших в открытых портах Кореи, также росло быстрее, чем число находившихся там японцев. По данным Вебера, доля китайской торговли в Корее в 1890—1894 гг. могла бы увеличиться с 20% до 40%, если бы не помешала война 1894—1895 годов.

Число китайцев и японцев, проживавших в открытых портах Кореи, по данным Вебера, составляло соответственно в 1888 г. 296 и 3846, а в 1894 г. — 1217 и 8681.

Разумеется, все эти и в особенности последние цифры нельзя считать точными, но всё же они показывают, что поселение китайцев в открытых портах Кореи шло быстрее, чем наплыв туда японцев, хотя по абсолютной численности последних там было всё ещё гораздо больше, чем китайцев. Следует, впрочем, иметь в виду, что среди проживавших в Корее китайцев преобладали ремесленники и мелкие торговцы, тогда как среди японских авантюристов было немало представителей крупной буржуазии⁴⁴. По сведениям того же Вебера, в Сеуле в 1888 г. было почти одинаковое количество китайцев и японцев, но первые постепенно брали верх, и в июне 1894 г. их стало уже 1480, а японцев — лишь 770⁴⁵. Конкуренция японских и отчасти китайских купцов разоряла местных сеульских торговцев. Они просили корейское правительство о защите и в январе 1890 г. устроили нечто вроде стачки, закрыв свои лавки и расклеив по Сеулу воззвания⁴⁶. Ненависть корейского народа к наводнявшим страну японским купцам была всеобщей. Несмотря на обещание прави-

⁴² АВПР. Гл. архив. V Аз. № 50, л. 425 сл. Река Тайдаоко, — повидимому, р. Тэдончанг (Тэдончай), на которой лежат Пхеньян и Чинампо (Чангнампо).

⁴³ По данным английского консула. См. Стрельбицкий (полковник генерального штаба). Дополнительные таблицы о торговле Кореей. Сборник географических, топографических и статистических сведений по Азии, вып. 73, стр. 69—70. СПб. 1898. Точных данных о том, какие товары (английские или китайские) ввозили китайцы в Корею, в использованных нами источниках нет.

⁴⁴ АВПР. МИД. 1895. Корея, № 6. Донесение Вебера от 21 (9) февраля 1895 г. № 13. Там же.

⁴⁵ АВПР. МИД. Яп. стол. № 2, л. 292—298. Донесение Вебера от 5 февраля (23 января) 1890 г. и текст воззвания.

тельства принять меры против засилья японских купцов, положение оставалось напряжённым⁴⁷. Феодалные порядки Кореи и борьба Китая и Японии за господство над Кореей и за овладение её рынком мешали росту местной буржуазии и самостоятельному развитию в стране капиталистических отношений.

Ввоз в Корею китайских товаров в 1890 г. на 1,5 млн. долларов превосходил вывоз товаров из Кореи в Китай, тогда как баланс японской торговли с Кореей был пассивным. Вывоз риса, бобов, шкур и других товаров из Кореи в Японию в том же году превысил ввоз японских товаров в Корею более чем на 400 тысяч долларов⁴⁸. Причиной такого положения была прежде всего низкая покупательная способность корейского населения. Следует отметить, что накануне японо-китайской войны внешняя торговля Кореи вообще резко сократилась. С 10,25 млн. долларов в 1890 г. она упала до 7,8 млн. в 1892 году. После подъёма 1890—1891 гг. наступила депрессия. Сокращение торговли объяснялось также неурожаями, вызванными ливнями и ураганами, восстаниями, имевшими место в отдельных провинциях, и злоупотреблениями внутренними пошлинами со стороны чиновников⁴⁹.

При неурожаях корейское правительство часто запрещало вывоз из Кореи бобов и риса. Запрещения эти причиняли убытки японским купцам, закупавшим урожай задолго до его сбора. В 1889 г. корейское правительство запретило вывоз риса из северных провинций Кореи. Переговоры о возмещении убытков, причинённых японским купцам этим запретом, велись три года и закончились в 1893 г. уплатой Японией 110 тыс. иен⁵⁰. Такое же запрещение имело место и в 1891 году. На этот раз японцы исчисляли свои претензии в 150 тыс. иен, однако снова получили лишь часть этой суммы⁵¹.

В Японии купцы распускали провокационные слухи о том, что эти запреты устанавливаются корейским правительством не по причине неурожая, а умышленно, с целью нанести ущерб японской торговле.

Осенью 1893 г. вновь последовал запрет вывоза риса и бобов из Кореи, и в начале 1894 г. велись переговоры об его отмене. Японцы снова обвиняли корейское правительство в преднамеренном причинении им убытков. Протесты Японии получили поддержку Германии и США, и корейское правительство обещало отменить запрет с 6 февраля 1894 г. (корейский новый год)⁵².

Японские капиталисты и правительство стремились не только овладеть внешней торговлей Кореи: они пытались вывозить в Корею капиталы в форме займов и концессий, однако эти попытки закабаления Кореи новейшими империалистическими методами наталкивались на сопротивление Китая и самого корейского правительства. Так, в 1885 г. Юань Ши-кай заключил с Кореей контракт на постройку телеграфа от Сеула до Шанхай-Тяньцзинской линии, а японцы, добивавшиеся разрешения на сооружение линии Фузан—Сеул, получили отказ. Японские капиталисты намеревались завладеть в Корее чеканкой монеты. Для переговоров об открытии в Корее японского банка и монетного двора в Сеул приезжал агент одного из японских банков. Заём с этой целью

⁴⁷ АВГР. МИД. Яп. стол. № 2, л. 305—306. Донесение Вебера от 25 (13) февраля 1890 года.

⁴⁸ Там же, л. 481—484. Донесение Вебера от 14(2) августа 1891 года.

⁴⁹ Отчёт о торговле в Корее за 1893 год. «The North China Herald» от 17 августа 1894 г., стр. 258.

⁵⁰ Японские торговцы нагло преувеличивали свои потери и создавали повод для конфликта. Так, японский представитель требовал уплаты 140 тыс. иен, но вынужден был затем снизить свои требования.

⁵¹ АВГР. МИД. Яп. стол. № 4. 1893—1895. О вымогательствах японцев см. донесение Вебера от 20(8) мая 1893 года.

⁵² Там же. Яп. стол. № 14. Донесение Хитрово из Токио от 1 февраля (20 января) 1894 года.

предполагал предоставить банк в г. Осака⁵³, но под давлением Китая корейское правительство отказалось от использования монетного двора, уже почти построенного японцами⁵⁴.

Весной 1890 г. американский генерал Лежандр, тогда ещё состоявший на японской службе и проживший в Токио более двадцати лет, отправился в Корею. Лежандр имел репутацию человека, «преданного интересам Японии». По сведениям русского посланника в Токио, он вёл переговоры о предоставлении Корее займа и убеждал японских капиталистов дать Корею взаймы 2 млн. долларов⁵⁵. Корейское правительство желало получить какой-нибудь внешний заём, чтобы погасить свои долги, доходившие до миллиона долларов, и, в частности, оно хотело погасить долг Китаю. О займе корейские министры вели переговоры и с американской фирмой «Фрезер и К^о»⁵⁶. Ли Хун-чжан считал это погашение нежелательным, потому что наличие задолженности за Кореей облегчало возможность оказывать на неё давление.

Чтобы отбить у иностранных капиталистов охоту давать займы Корее, китайское правительство сделало заявление всем державам о том, что оно не может взять на себя никакой ответственности за долговые обязательства корейского короля и его министров⁵⁷. В Петербурге китайского поверенного в делах заверили, что Россия не собирается поощрять намерение Кореи получить заём, потому что внешние займы могут вовлечь её в нежелательные осложнения.

Японские капиталисты занимались изучением полезных ископаемых в Корее, имея в виду эксплуатацию их путём концессий. Этими экспедициями японское правительство пользовалось в разведывательных целях, для подготовки к войне. Летом 1889 г. в северо-западную Корею для «исследования» богатств расположенных там провинций направилась японская экспедиция в составе директора японского банка в Чемульпо, японского военного агента в Сеуле и других лиц. Экспедиция, в частности, намеревалась расследовать основательность жалобы японских купцов на успехи в Корее их китайских конкурентов⁵⁸. Эта экспедиция показывает, что, готовясь к войне, правящие классы Японии тщательно разведывали природные богатства Кореи и условия военных операций на её территории.

Японская буржуазия в дополнение к своим попыткам овладеть корейской торговлей и закабалить страну посредством концессий стремилась захватить в свои руки и рыбные богатства корейских вод. Японо-корейская конвенция от 25 июля 1883 г. разрешала японцам ловить рыбу у берегов четырёх корейских провинций, а корейцам — у берегов японских провинций Ивами, Идзумо⁵⁹, о. Цусимы и др. Текст этой конвен-

⁵³ АВПР. МИД. Яп. стол. № 3. Донесение Дмитревского от 27 (15) января и 9 июня (28 мая) 1892 года.

⁵⁴ Донесение русского военного агента на Дальнем Востоке полк. Вогака от 28 (16) мая 1893 года. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 60, стр. 4—7. Спб. 1895.

⁵⁵ АВПР. МИД. Яп. стол. № 2. л. 348, 318. По словам Хитрово, японское правительство в 1890 г. не рискнуло дать свою гарантию этому займу. Копии донесений Хитрово от 5 июня (24 мая) и 27 (15) марта 1890 года.

⁵⁶ Там же, л. 350—353. Донесение Вебера от 5 июня (24 мая) 1890 года.

⁵⁷ Там же, л. 329. См. текст заявления.

⁵⁸ Обследованный район был богат золотом, железом и медью, но эти ископаемые ещё не разрабатывались, и медь ввозилась в Корею из Японии. В 1885 г. её было ввезено на 29,8 тыс. и в 1889 г. — на 99,6 тыс. долларов. Члены экспедиции издали «Отчёт по исследованию в торговом отношении корейских провинций Пинань и Хуан-хай», приложенный в извлечениях к донесениям Вебера. Японское правительство добивалось открытия порта на р. Тайтонг, чему противился Китай. АВПР. МИД. Яп. стол. № 2. 1888—1891, л. 265—279. Пинань, — очевидно, Пхеньян; Хуан-хай, — видимо, провинция Хоанха-до; р. Тайтонг, — видимо, упоминаемая уже Тэдонгчанг.

⁵⁹ Так в тексте конвенции. Это названия старых японских провинций (до 1868 г.). АВПР. МИД. Яп. стол. № 2, л. 285—289. Донесение Вебера от 27 (15) января 1890 г. с приложением текста конвенции.

ции, построенный формально на началах взаимности, прикрывал фактическую одностороннюю выгодность её для японских рыбопромышленников. С японских рыболовных судов была назначена невысокая такса, но у Кореи не было таможенных крейсеров для её сбора.

24 (12) ноября 1889 г. между Японией и Кореей была подписана новая рыболовная конвенция, предусматривавшая заключение через два года особого соглашения о пошлинах. Конвенция устанавливала, разумеется, без взаимности, экстерриториальность японских рыболовов в Корее и вступала в силу с 11 января 1890 года. Японцы имели большую выгоду от этой конвенции, распространившей японское рыболовство на новые участки корейских вод⁶⁰. Сами корейцы ловили рыбу мало, тогда как добыча японских рыболовов за лето 1891 г. расценивалась свыше чем в 2 млн. долларов⁶¹.

В особенности прибыльными для японцев были рыбные ловли у о. Квельпарта. Между японцами и корейскими рыбаками на острове возникали столкновения, и корейское правительство стало опасаться восстания местного населения, ненавидевшего японцев. Известный уже нам американский генерал Лежандр, переселившийся к этому времени в Корею, где он получил пост королевского советника, поехал в Японию, чтобы добиться исключения о. Квельпарта из зоны японского рыболовства и взамен этого предложить Японии открыть для иностранной торговли порт Пхеньян. Лежандр осведомил о своих намерениях русского посланника Шевича, который, узнав о грозящих осложнениях, осторожно дал понять японскому правительству, что России нежелателен конфликт Японии с Кореей и Китаем из-за рыболовства у о. Квельпарта⁶². С целью устранить повод для конфликта русской миссии в Токио было предписано неофициально поддержать проект о замене рыболовства у о. Квельпарта открытием Пхеньяна. Миссия Лежандра, однако, не увенчалась успехом. Тогда корейское правительство стало угрожать арестом японских рыбаков на о. Квельпарта, после чего начался торг об отводе японцам мест на острове для складов и сушки рыбы⁶³.

Соглашение по вопросу о рыболовстве так и не было достигнуто. Для японских рыбопромышленников предложенная Лежандром сделка была невыгодна ввиду огромных доходов от рыбной ловли у о. Квельпарта. Со своей стороны, и китайское правительство противилось открытию Пхеньяна, откуда мог развиться вывоз золотого песка, риса, вышивок по шёлку, цветных цыновок, жень-шеня, леса и других товаров; в этом случае Пхеньян стал бы конкурировать с Нючжуаном. Открытие Пхеньяна подрывало бы влияние Китая в северо-западной Корее⁶⁴.

В не меньшей степени опасалось китайское правительство и того, что японцы добьются предоставления им трёх островков и порта в провинции Челладо для ловли и сушки рыбы и добьются расширения своей концессии в Фузане. Подготовленный проект соглашения остался неподписанным⁶⁵. В 1893 г., когда выяснились размеры японских претензий на рыболовные концессии, русская миссия в Сеуле также стала противодействовать переходу рыболовства Кореи в руки японцев⁶⁶. На о. Квель-

⁶⁰ АВПР. Гл. архив. V Аз. № 50, л. 5—6 сл. Донесение Шевича от 13(1) января 1890 г. и текст конвенции.

⁶¹ Там же. МИД. Яп. стол. № 3, л. 23. Донесение чиновника русской миссии в Корее Дмитревского от 22 (10) марта 1892 года.

⁶² АВПР. Яп. стол. 896. 1891 г., л. 334 сл. Донесение Шевича от 30 (18) октября 1891 года.

⁶³ Там же, лл. 53—54, 79—81. Донесение Дмитревского от 22 (10) июня и 8 июля (26 июня) 1892 года.

⁶⁴ Там же. Яп. стол. № 3. Донесение Дмитревского от 22 (10) марта 1892 года.

⁶⁵ АВПР. Донесения Дмитревского от 5 декабря (23 ноября) и 24 (12) ноября 1892 г. с приложенной к ним копией проекта.

⁶⁶ АВПР. МИД. Корея. № 4, л. 1—7 и 158—159. Того же мнения были представители США и Франции в Сеуле. Донесения Дмитревского от 23 (11) января и 2 июля (20 июня) 1893 года.

парта между тем продолжались вооружённые столкновения японских и корейских рыбаков.

Одно из важнейших средств борьбы за господство в Корее японская буржуазия и военно-феодалы видели в создании в Корее своей агентуры из отстранённых от власти аристократических фамилий и использовании в своих интересах кровавой борьбы за власть между кланами знатнейших феодальных фамилий Кореи. Японское влияние в Корее особенно активно поддерживал род Кимов. Влиятельнейшая и богатейшая до 60-х годов фамилия Кимов была оттеснена от власти родом Минов⁶⁷. Мать короля, королева и жена наследника престола принадлежали к фамилии Минов. Обычно фамилия королевы получала преобладающее положение при сеульском дворе. Это произошло и с Минами, тем более, что властная и энергичная королева целиком подчинила себе короля. Миновы занимали большинство доходных должностей. В их руках были посты командующего войсками в Сеуле, губернаторов четырёх доходнейших из восьми провинций, министров, видных чиновников и т. д.

Третьей борющейся за власть группой корейской аристократии были родственники короля во главе с его отцом Тэ-уонь-гунем, честолюбивым и беспринципным интриганом, происходившим из рода Ху и надеявшимся получить преобладающее влияние в королевстве. Чтобы подорвать влияние Минов, он готов был войти в сделку с кланом, возглавляемым Кимами⁶⁸.

Богатство Кимов, державших к тому же в своих руках многие второстепенные посты, давало им возможность сохранить известное влияние и после отстранения их от высших государственных должностей. В борьбе за власть представители рода Кимов ориентировались на поддержку Японии. Выходцы из рода Кимов участвовали в заговоре 1884 года, организованном при подстрекательстве и помощи японцев.

Один из главарей заговорщиков, игравших в 1884 г. наруку Японии, Ким-ок-кюн, был виднейшим представителем рода Кимов. Ему удалось укрыться в Японии, где он и находился до 1894 года. В Корее главной областью влияния Кимов была ближайшая к Японии провинция Кионгсян. Засилием Минов были недовольны и представители некоторых других знатных фамилий — Чжо, Пак и т. д. Несмотря на попытки правительства привлечь их на свою сторону, они отказывались от занятия государственных должностей⁶⁹.

Из представителей рода Кимов и других недовольных падением своего влияния фамилий в Корее образовалась японофильская клика, рассчитывавшая придти к власти при помощи японцев. Сторонники этой клики, выдававшие себя за «прогрессистов», вербовались также и среди купцов, связанных с японской торговлей и недовольных феодальными порядками в Корее. Японцы искусно завлекали эту клику в свои сети, пропагандируя верхушечные «реформы» по «западному», т. е. буржуазному, «образцу», наподобие проведённых в Японии, и обещая добиться «независимости» Кореи от Китая. Японцы распространяли в Корее памфлеты против Китая⁷⁰. Деньги на эту агитацию давал нокогамский Specie Bank. Политические беглецы из Кореи укрывались в Японии.

Накануне войны 1894—1895 гг. Корея была объектом борьбы между феодальным Китаем и японской колониальной агрессией. Политика пра-

⁶⁷ АВПР. Яп. стол. 1892. № 3. Донесение Вебера от 6 октября (24 сентября) 1885 года. С 1777 по 1864 г. королевы происходили из рода Кимов. Донесение Дмитриевского от 3 ноября (22 октября) 1892 года.

⁶⁸ Там же. Донесение Дмитриевского от 8 июля (26 июня) 1892 года.

⁶⁹ Там же. Донесение Дмитриевского из Сеула от 3 ноября (22 октября) 1897 года.

⁷⁰ АВПР. МИД. Яп. стол. № 177. 1894, л. 8 сл. Записка «Война между Китаем и Японией, её причины и возможные последствия».

вающей верхушки из рода Минов и влияние феодального Китая служили интересам реакции и также мешали самостоятельному национальному развитию Кореи по пути капитализма. Единственной положительной стороной китайского вмешательства в дела Кореи было то, что оно задерживало закабаление страны Японией. Главной угрозой самостоятельному развитию Кореи была колониальная агрессия Японии. Прикрываясь маской «прогрессистов» и сторонников буржуазного развития страны, японцы и их агентура в Корее несли стране кабалу и угнетение со стороны складывавшегося японского военно-феодального империализма. Прогрессивной силой, глубоко враждебной и феодальным порядкам и, в ещё большей мере, японским агрессорам, были только народные массы Кореи, время от времени подымавшиеся на восстания против своих угнетателей.

★

Японская агрессия в Корее неизбежно вела к захватнической войне с Китаем. Изложенные выше факты полностью опровергают мнение о том, что «мирное» экономическое проникновение в Корею могло окончиться победой в ней японского влияния⁷¹. Несмотря на экономическое преобладание Японии в Корее перед войной 1894—1895 гг., японская буржуазия испытывала серьёзные препятствия в своём стремлении овладеть рынком Кореи, а удельный вес японской торговли во ввозе и вывозе из Кореи падал, в то время как удельный вес китайской торговли возрастал. Кроме низкой покупательной способности корейского населения и неблагоприятных общих условий торговли, связанных с сохранившимися в Корее феодальными порядками⁷², значительным препятствием для японского проникновения в страну была ненависть корейского народа к эксплуатировавшим и разорявшим его японским купцам. Так, например, школы, открытые японцами в Корее, мало посещались⁷³.

Японская буржуазия и феодалы могли рассчитывать на овладение корейским рынком лишь в том случае, если бы им удалось захватить в свои руки административную и судебную власть и финансы страны и подкрепить тем самым своё экономическое внедрение в Корею «монопольной военной силой» и «особого удобства»⁷⁴ грабить Китай и Корею, которые давали Японии её превосходство в вооружениях и выгодное географическое положение вблизи Кореи. Господство Японии в Корее дало бы японской армии и флоту выгодные стратегические позиции для новых захватов и позволило бы Японии закрыть России выход в Тихий океан и лишить Китай всякого прикрытия со стороны Печилийского залива и подступов к столичной провинции Чжили.

Предлагая «реформы» в Корее и на словах выступая за её «независимость», японская буржуазия и феодалы хотели взять в свои руки управление страной и подчинить себе всю жизнь Кореи. Таким путём японское правительство намеревалось контролировать внутреннюю и внешнюю торговлю Кореи, уничтожить китайскую конкуренцию и превратить Корею в свою колонию и в плацдарм для дальнейшей агрессии на континенте против Китая и России.

Японская агрессия в Корее не исчерпывает всех причин японо-китайской войны 1894—1895 годов. Агрессивные замыслы японской буржуазии и феодалов издавна простирались не только на Корею, но и на непо-

⁷¹ АВГПР. Гл. архив. V Аз. № 50, л. 222 (вырезка). Мнение это высказывали «Japan Daily Mail» и другие японские и англо-японские газеты. См. «Japan Daily Mail» от 18(6) июня 1890 года.

⁷² «The North China Herald» от 21 сентября 1889 г. (стр. 345—346) отмечала внутриполитические причины медленного развития корейской торговли.

⁷³ АВГПР. МИД. Яп. стол. № 177, 1894, л. 10—12. Записка «Война между Китаем и Японией, её причины и возможные последствия».

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 104.

средственно китайские владения и прежде всего на о. Формозу. Сверх того причины японо-китайской войны коренились ещё и в разногласиях по вопросу о пересмотре торговых договоров. Как было упомянуто, Япония и Китай в 1871 г. заключили равноправный торговый договор на основе взаимного предоставления экстерриториальности китайским подданным в Японии и японским в Китае. Добиваясь отмены неравноправных договоров с европейскими государствами и США, японская буржуазия в то же время намеревалась навязать Китаю вместо равноправного неравноправный договор. Газета «The North China Herald» видела в этом даже более глубокую цель войны, чем вопрос о Корее⁷⁵.

17 декабря 1890 г. министр иностранных дел Аоки (из клана Тёсю), излагая парламенту вопрос о пересмотре неравноправных договоров, подчеркнул, что это не единственный важный вопрос: ещё важнее для Японии овладеть рынком Китая. «Америка,— сказал он,— обращена к нам спиной... Европа также далека от нас для всяких практических целей. Здесь же, в Азии,— дело другое. У ваших ног живёт 270-миллионный народ, готовый принять от вас изделия и продукты ваши и дать вам свои... Воспользуйтесь вашими богатствами для того, чтобы предлагать их не странам, отдалённым от вас тысячами миль бурных морей, но таким, которые ожидают вас у ваших дверей»⁷⁶.

Японская буржуазия желала добиться свободного допуска японских товаров в глубь Китая⁷⁷, в то же время лишив китайцев экстерриториальности в Японии и права пользования предоставленным открытием внутренних областей Японии для иностранной торговли. Торговые обороты Японии с Китаем быстро возрастали. Ввоз из Японии в Китай и Гонконг возрос с 13,3 млн. иен в 1889 г. до 25,4 млн. иен в 1893 г., а вывоз из Японии из Китая и Гонконга за то же время увеличился с 12,8 до 23,4 млн. иен⁷⁸. С другой стороны, в Японии поселилось весьма значительное число китайских ремесленников, мелких лавочников, составив к 1894 г. три пятых всех находившихся там иностранцев⁷⁹. В 1889 г. 320 мелких китайских фирм вели свою деятельность в Японии⁸⁰. Японская буржуазия не желала допускать поселения китайцев внутри страны⁸¹ и прежде всего добивалась «равноправия» с европейскими и американскими империалистами в грабеже Китая.

Всё изложенное показывает, что война Японии с Китаем была со стороны Японии агрессивной, колониальной войной. Ленин не относил её к числу империалистических войн новейшего типа, за передел мира⁸². В Японии военно-феодальный империализм находился ещё в стадии своего формирования, но агрессивный и грабительский характер этой войны совершенно очевиден. Начатая в годы формирования японского военно-феодального империализма, она была предвестником империалистических войн конца XIX и начала XX века. Анализ причин этой войны можно завершить, возвратившись к положению в Японии в начале 90-х годов, когда для правящей военно-феодальной верхушки вопрос о разрешении внутренних противоречий в стране путём колониальной агрессии оконча-

⁷⁵ «The North China Herald» от 10 августа 1894 г., стр. 218.

⁷⁶ «Japan Daily Mail» от 19 декабря 1890 года. АВПР. Гл. архив. V Аз. № 50, л. 530. Приложение к донесению Шевича от 19(7) декабря 1890 года.

⁷⁷ Японское правительство выдвигало это требование ещё в 1880 г., ведя переговоры об островах Лю-кю. См. меморандум японского поверенного в делах в Пекине Сясядо. АВПР. МИД. Кит. стол. Пекин. 28, л. 37 об.

⁷⁸ См. Гулишамбаров. Обзор международного обмена 1889—1893 гг., стр. 116. Спб. 1895.

⁷⁹ G. Surzon. The problems of the Far East, p. 77. London. 1894.

⁸⁰ По английским данным, в 1887 г. в Японии находилось 4700 китайских подданных и 2983 всех прочих иностранцев, в том числе 1324 англичанина, 640 американцев, 357 немцев, 251 француз и 411 прочих. Британские фирм было 103, американских—46, германских—36, французских—26, прочих—23 «The Times» от 9 ноября 1889 г., стр. 7.

⁸¹ М. Brandt. Die Zukunft Osiens, S. 43. Berlin. 1895.

⁸² См. Ленинский сборник XXIX, стр. 284—286.

тельно стал вопросом сохранения власти и когда в позиции Англии произошли существенные изменения в пользу японских захватчиков.

Готовность британского правительства пойти в 1890 г. на серьёзные уступки в пересмотре договоров указывала на желание Англии сблизиться с Японией против России. Это увеличивало шансы на пособничество японской агрессии со стороны Англии. Японские агрессоры с уверенностью ожидали полного поощрения своих захватнических планов и со стороны США. Кризис, назревавший во внутренней жизни Японии, также толкал правящие круги Японии к агрессии. Реакционная конституция 1889 г. была пределом уступок правящей реакционной верхушки, совершенно не желавшей допускать дальнейших сколько-нибудь существенных реформ. Но немедленно после введения этой конституции выяснилось, что закрепить господство военно-феодальной олигархии возможно было только путём скорейшего удовлетворения агрессивных стремлений буржуазной оппозиции и самурайства, т. е. посредством политики колониального грабежа.

С введением конституции 1889 г. и открытием парламента вопрос об активизации японской агрессии выдвинулся на первое место. Для войны требовалось ускорить подготовку армии и флота и получить новые ассигнования. Морской министр адмирал Кобайяма 16 декабря 1890 г. потребовал кредит в 5,2 млн. иен на флот, «чтобы Япония могла свободно выбирать между оборонительной и наступательной политикой»⁸³. Военственную политику проповедовали не только представители армии и флота, но и «штатские» министры. Так, министр иностранных дел Аоки, страдавший, по словам Шевича, «избытком красноречия», на банкете, данном 9 марта 1891 г. для членов обеих палат, произнёс речь, в которой сказал, что для расширения могущества Японии нужны «кровь и железо» и что, «судя по обстоятельствам, мы (японцы) также должны быть готовы к пролитию крови». По словам Шевича, Аоки «помешался» на «историческом примере князя Бисмарка». На запрос Шевича, встревоженного этим выступлением, Аоки стал увильывать от объяснения точного значения своей речи, отвечая, что хотел лишь добиться от палаты ассигнований на вооружения, и признавая, что на банкете «все подписали порядочно». После твёрдых настояний Шевича Аоки продиктовал по-немецки объяснение своей речи, лживо уверяя русского посланника в миролюбии Японии и в том, что «военное усиление» необходимо лишь для защиты и восстановления «нашей автономии», т. е. для успешной ревизии договоров. «В случае же, если при этом условии мирное развитие наше будет задержано, — сказал он, — тогда это нам будет стоить денег, а в случае чего также крови и железа»⁸⁴. Последующие события показали, насколько лживы были эти увёртки японского министра, пытавшегося объяснить японские вооружения борьбой Японии за национальную независимость.

Задача японского правительства заключалась в скорейшей подготовке колониальных захватов и войны с Китаем. К моменту открытия японского парламента возродились в реорганизованном виде прежние оппозиционные партии: либеральная «Дзюкю», опиравшаяся на сельскую буржуазию и «новых», обуржуазившихся помещиков, и партия конституционных реформ «Кайсинто», группировавшая вокруг себя крупную городскую буржуазию. Предводитель «Кайсинто», новоиспечённый граф

⁸³ АВПР. Гл. архив. V Аз. № 50, л. 520 сл. Донесение Шевича от 19 (7) декабря 1890 года. Аоки имел репутацию «германофила» и был женат на немке, весьма презрительно отзывавшейся о японской нации. Аоки опасался выезжать, как объясняла его жена, потому, что «слишком дорожил своими ногами, чтобы рисковать лишиться одной из них, как граф Окума, по милости этих варваров-японцев». Там же, л. 6. Донесение Шевича от 23(11) января 1890 года.

⁸⁴ АВПР. Яп. стол. 1891. № 896, л. 111—117. Заявление Аоки (на нем. языке) и донесение Шевича от 22 (10) марта 1891 года.

Окума, вышел из состава кабинета и перешёл в оппозицию. Отмежевавшись от крайних радикалов и социалистов, оппозиция обрушила свою критику на господство в стране военно-феодальной верхушки из кланов Сацума и Тёсю. «Дзиюто» требовала партийного кабинета, полного контроля палаты над финансами⁸⁵, расширения избирательных прав, снижения земельного налога, очистки армии и флота от «сацумцев» и выходцев из клана Тёсю. Флот и армию, в которых преобладали эти феодально-клановые элементы, оппозиция «не признавала» и объявляла ненадёжными и недостойными доверия. Несмотря на то, что оппозиционные круги целиком и полностью стояли за усиление вооружений и за колониальную агрессию, оппозиция устроила правительству obstruction при обсуждении вопроса о кредитах на увеличение флота и субсидирование военных сталелитейных заводов. Окума заявил, что оппозиция борется против феодально-клановой олигархии Сацума и Тёсю⁸⁶. В результате действий оппозиции 25 декабря 1891 г. парламент был распущен.

Новый парламент собрался 14 мая 1892 года. Несмотря на вмешательство полиции в избирательную кампанию, в него прошло большинство оппозиционных депутатов. Сессия была прервана вотумом недоверия правительству. Созданный в августе 1892 г. кабинет Ито не обратил на это внимания. Он пытался апеллировать к верхней палате и на основании ст. 71-й конституции ввёл в действие бюджет предыдущего года⁸⁷.

Но оппозиция усиливалась. Воззвание партии «Дзиюто» в начале 1892 г. требовало расширения буржуазных политических «свобод», снижения избирательного ценза, переоценки земель и понижения земельного налога, избавления местного самоуправления от господства местных магнатов и ограничения ассигнований на армию. Последнее мотивировалось тем, что армия «слишком велика и организована так, как будто главная её цель есть предупреждение и подавление внутренних возмущений, а не защита от внешних врагов».

Воззвание обвиняло морское министерство в плохом использовании средств, ранее отпущенных на строительство флота, и заявляло, что «к такому морскому ведомству нельзя питать достаточного доверия, и хотя партия стоит за принцип усиления флота, но правительственная администрация до того плоха и доверие к министрам так слабо, что партия не может по чистой совести поручить им распоряжение национальными средствами для выполнения их проектов». Воззвание обвиняло правительство в слабости и неспособности обеспечить немедленную отмену неравноправных договоров. Подобные нападки на армию, флот и внешнюю политику исходили и от партии «Кайсинто»⁸⁸. Оппозиция ставила вопрос так: сначала добиться реформ и очистить вооружённые силы от засилья феодально-клановых элементов, а затем уже предоставить средства на увеличение армии и флота и на проведение активной внешней политики.

Следует отметить, что большинство деятелей оппозиции стояло за самую энергичную захватническую политику в Корее и если в чём и обвиняло правительство, то в слабости. Агрессивные стремления оппозиции были именно той стороной её программы, которая давала правительству

⁸⁵ 67-я статья конституции изымала три четверти расходов из ведения палаты. От оппозиции исходили многочисленные нападки на продажность высших чиновников и на фаворитизм.

⁸⁶ См. Mazelière. Japan Vol. V, p. 638—639, 649. Paris. 1913; W. McLaren. A political history of Japan, p. 210—212. London. 1916.

⁸⁷ Е. Жуков. История Японии, стр. 130—131. М. 1939.

⁸⁸ Выписки из японских газет и текст воззвания с переводом на русский язык см. АВПР. МИД. Яп. стол. 1892. № 897, л. 6 сл. Хитрово сообщал, что японское правительство в 1893 г. провело незначительное преобразование военно-морского ведомства, отделив бюро морского командования от морского министерства, на должности в котором формально получили доступ гражданские чиновники. Но «сацумцы» продолжали в нём преобладать. Там же. Донесение Хитрово от 6 июля (24 июня) 1893 года.

возможность сохранять власть игрой на крайних националистических настроениях и посредством завсезательной войны. В 1893 г. правительству удалось заставить оппозицию принять почти все его бюджетные требования, после того, как император издал указ об ежегодном отчислении из своих доходов по 300 тыс. иен в течение шести лет и об удержании одной десятой жалования чиновников на строительство флота. Эта уловка имела целью вызвать взрыв шовинизма и агрессивных стремлений и отчасти достигла этого.

Правительство продемонстрировало и намерение перейти к активным действиям в Корее. Японская печать требовала от правительства Ито решительной политики в Корее⁸⁹. Стремясь отвлечь внимание палаты от обвинений по адресу правительства в слабости по вопросу о неравноправных договорах, Аоки в декабре 1892 г. призывал парламент к завоеванию корейского рынка⁹⁰. Осенью 1892 г., чтобы удовлетворить оппозицию, правительство отозвало из Сеула «за вялость» своего министра-резидента, полковника Кодзиму, и послало туда Оиси Масами, одного из наиболее влиятельных членов партии «Дзюто», требовавшей немедленного усиления японской агрессии в Корее⁹¹. Оиси был известен своей резкой враждебностью к России и пропагандой союза с Англией⁹². На вопрос русского посланника в Токио о мотивах назначения Оиси министром иностранных дел Муцу лицемерно утверждал, что правительство попросту выпроводило Оиси в Сеул, чтобы избавиться от него в Японии. Однако русские представители в Корее не верили, что дело только в этом, и отмечали активизацию японцев в Корее.

Оиси проявил себя одним из наиболее наглых и агрессивных японских дипломатов. Ещё до своего приезда в Корею он приобрёл репутацию проповедника самых диких и необузданных проектов японской агрессии, включая захват и колонизацию Сибири. Бредовая книга Оиси с изложением этих планов призывала к созданию против России западноевропейского союза государств и дальневосточного союза Англии, Японии и Китая, причём последний должен был удовлетворить требования Японии относительно Кореи⁹³.

⁸⁹ «Хоци Симбун» и другие газеты. АВПР. МИД. Яп. стол. 1892—1893. № 3. Донесение Дмитревского из Сеула от 30(18) сентября 1892 года.

⁹⁰ T. Deppe, *Americans in Eastern Asia*, p. 496—498. New York, 1922.

⁹¹ АВПР. МИД. Яп. стол. 1892. № 3, л. 147—148. Донесение Дмитревского от 5 декабря (23 ноября) 1892 года.

⁹² В 1891 г. оппозиционные и официозные газеты в Японии не раз старались прикрыть свои захватнические требования в отношении Кореи распространением вздорных слухов о намерениях России установить протекторат над Кореей и угрожать Японии посредство сооружения Сибирской железной дороги. Посланник в Японии доносил, что летом 1891 г. ему пришлось просить японское министерство унять «периодические твякания» японской печати против России. АВПР. МИД. Яп. стол. Деша из Сеула, 1888—1890, л. 476—478. Донесение посланника в Токио от 2 августа (21 июля) 1891 года. По требованию Шевича официозная «Ници-Ници» 1 августа 1891 г. опровергла указанные слухи. АВПР. Яп. стол. 1891. № 896, л. 301 сл.

⁹³ Сумасбродная книга Оиси обратила на себя внимание русских представителей в Корее. Русский перевод её см. в депеше из Сеула в АВПР. МИД. Аз. деп. 1893—1894. № 4, под названием «Ниппон-но-идай Сейсаку» (Великая политика Японии), 1892, особенно ч. II: «О внешних сношениях стран». Автор уверял, что оба враждебных России союза государств смогут «мирным» путём принудить Россию к уступкам. Будущей русской границей он «устанавливает» Урал Япония, по его мнению, должна вытеснить европейскую торговлю из Китая. Оиси высказывается за японо-китайский «союз» против России на основе признания Китаем «независимости» Кореи и устранения там китайского влияния. Он считает, что с Кореей необходимо начинать осуществление всего плана. Для маскировки явной агрессии он объявляет Россию с её Сибирской железной дорогой «угрозой» Дальнему Востоку. Из Сибири Оиси мечтал образовать район для колонизации «всех наций» и прежде всего для японцев. Оиси был одним из ранних представителей империалистической японской доктрины «паназиятизма». Подобные же бредовые планы см. в консервативной националистической газете «Ниппон» от 3 декабря 1893 г. перепечатанные в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», стр. 108—111. В Токио ещё в 1891 г. образовалось «Общество изучения восточных стран» (То-хо-киюкай), где проповедовались паназиятские взгляды.

Прибыв в корейский порт Чемульпо, Оиси в феврале 1893 г. произнёс речь, в которой заявил, что «Дальний Восток должен всецело составлять достояние Китая и Японии, и Европа как общий враг их должна быть изгнана из этих краёв»⁹⁴. В Сеуле, при дворе, Оиси держался дерзко и вызывающе, требовал права вести непосредственные личные переговоры с королём, но успеха не добился⁹⁵. Попытки Оиси добиться уплаты непомерно преувеличенной суммы претензий японских купцов, понесших убытки от запрещения вывоза риса из Кореи, также потерпели неудачу. Вскоре Оиси был заменён министром-резидентом Отори.

Отори и генерал Каваками летом и осенью 1893 г. вели какие-то секретные переговоры с китайским правительством, и Кассини подозревал, что речь идёт о плане направленного против России тайного японо-китайского соглашения по корейским делам. Возможно, что японская дипломатия пыталась запугать Китай Россией и вынудить таким путём уступки с его стороны в пользу Японии⁹⁶. Во всяком случае, японские предложения не имели успеха. Видя усиление японской агрессии, китайское правительство и его резидент в Сеуле Юань Ши-кай искали сближения с Россией. Юань вступил в доверительные отношения с драгоманом русской миссии в Сеуле Дмитревским и сетовал на грабёж Кореи японцами. Китай не желал открыть двери для японской агрессии в Корею и одерживал успехи в борьбе за своё влияние в стране⁹⁷.

Тем временем в 1893 г. оппозиция в Японии резко усилилась. Хотя партия «Дзюто» и вступила в сделку с правительством, но «Кайсинто» и шовинистическое «Национальное общество» (Кокумин-Кёкай) обвинили во взяточничестве председателя нижней палаты Хоси и министра земледелия Гото с целью скомпрометировать и свергнуть кабинет. Однако император предложил министерству Ито не подавать в отставку. Тогда оппозиция потребовала удаления министра иностранных дел Муцу как неспособного добиться немедленной отмены неравноправных договоров.

В заседаниях его принимали участие министр Гото и другие японские деятели. АВПР. Яп. стол. № 896. л. 291 сл. Донесение Шевича от 19 (7) июля 1891 года.

⁹⁴ АВПР. МИД. Кит. стол. № 112. Донесение Кассини от 11 декабря (29 ноября) 1894 года.

⁹⁵ Точно установить цели миссии Оиси, не имея до сих пор сохраняемых в тайне японских документов, затруднительно, но следующий эпизод даёт представление о нахальстве Оиси после появления его в Сеуле. В апреле 1893 г. в Сеул прибыла группа из 6 японцев во главе с помощником начальника японского главного штаба генералом Каваками. По просьбе Оиси прибывшим была дана королевская аудиенция, по окончании которой Оиси пытался остаться наедине с королём и вручить ему лично какую-то свёрнутую испанскую бумагу. Король адресовал его в ведомств иностранных дел и отказался лично принять бумагу, но Оиси «сказал на это, что он не может уйти из зала, не передав королю своей рукописи. Король повторил, что не может принять документа и что если г. Оиси не имеет сказать ничего более, то может удалиться; г. Оиси настаивал, что он должен передать бумагу. Тогда вице-президент коллегии иностранных дел Кима, старик, высокого роста, с длинной седой бородой и грубым голосом, сказал г. Оиси, что если его величество приказывает ему удалиться, то он должен уйти. Король подтвердил слова Кима, сказав, что Оиси может удалиться. Оиси удалился». Король был крайне рассержен наглостью Оиси, и предложение ему удалиться было лано «очень громким и твёрдым голосом». АВПР. МИД. Дешешу из Сеула, 1893—1895. № 4, л. 124—125. Донесение Дмитревского от 6 мая (24 апреля) 1893 года.

⁹⁶ АВПР. МИД. Кит. стол. Пекин. 1893. № 111, лл. 54—56, 58—59, 94—96. Донесения Кассини от 21 (9) июня, 23 (11) августа и 30 (19) сентября 1893 года. Ли Хун-чжан говорил Кассини, что осенью 1893 г. приехавший в Тяньцзинь японский генерал Аракава предложил Китаю совместно с Японией провести «реформы» в Корею, но Китай отказался будто бы из «зверности словесным обязательствам, данным им в 1885 г. Россией относительно соблюдения неприкосновенности Кореи». Там же. Пекин. 1894. № 112, л. 62. Донесение Кассини от 8 июля (26 июня) 1894 года.

⁹⁷ «Влияние наше и в Сеуле теперь снова начинает подниматься,—сказал Юань Дмитревскому.—торговля в портах переходит из японских рук в наши». «Теперь они,—добавил он о японцах,—могут приобрести влияние здесь разве только силою». Юань заверил Дмитревского, что он не считает возможным какое бы то ни было соглашение Китая с Японией относительно Кореи. АВПР. МИД. Дешешу из Сеула. 1893—1895. л. 172—173. Донесение Дмитревского от 26 (14) августа 1893 года. См. также Яп. стол. 1892. № 3, л. 93—102. Донесение Дмитревского от 30 (18) сентября 1892 года.

Палата приняла вотум недоверия, но 30 декабря была снова распущена. После новых выборов парламент собрался весной 1894 г. и 30 мая принял адрес императору, в котором заявлялось, что кабинет «пренебрегает» реформами внутри страны и «национальными интересами» во внешней политике. Правительство оказалось перед необходимостью в третий раз распустить палату. Оно не особенно боялось трусливой японской буржуазии и её депутатов, но опасалось взрыва недовольства радикальных слоёв мелкой буржуазии, крестьян и рабочих⁹⁸.

В качестве удобного предлога для оккупации Кореи японское правительство решило воспользоваться начавшимся на юге Кореи крестьянским восстанием «тонхаков». Японское правительство намеревалось таким путём вызвать конфликт с Китаем и, спровоцировав войну и увлекая оппозицию на путь колониальной агрессии, получить её поддержку. Правительство хорошо знало, что алчная японская «либеральная» и «радикальная» буржуазия проглотит отказ в проведении либеральных реформ, если только ей будет обеспечена богатая колониальная добыча. Предварительно приняв решение о посылке войск в Корею⁹⁹, правительство 2 июня распустило палату. Конфликт с Китаем и война обеспечили кабинету полную поддержку нового парламента.

Японские министры Ито и Муцу, так много сделавшие для подготовки войны с Китаем, скрывали реакционные цели этой войны, направленной на удушение движения за прогрессивные реформы внутри самой Японии. Но англо-японская пресса¹⁰⁰ и наблюдавшие внутреннюю жизнь Японии дипломаты почти единодушно свидетельствовали о том, что прежде всего война послужила средством сохранения власти у реакционной военно-феодалной верхушки¹⁰¹. Японский посланник в Вашингтоне откровенно сказал, что японское население «готово к перевороту» и что, «понимая большую опасность этого движения и желая отвлечь внимание народа от предполагаемых осложнений дома, Япония склонна ввязаться в войну с Китаем». Американский посланник в Токио Ден 14 июля доносил, что в вопросе о войне «беспокойный и агрессивный дух японского населения не позволяет правительству повернуть назад»¹⁰². О том же свидетельствуют и донесения Хитрово, отмечавшего, что «на решение нынешнего министерства по поводу деятельного вмешательства его в корейские дела немалое влияние имели обстоятельства внутреннего политического характера и соображения партийные». Правители Японии, писал Хитрово, «принадлежащие большей частью к кланам Сацума и Тёсю, видели за эти последние годы власть всё более ускользающей из их рук перед непримиримой борьбой усиливающейся оппозиции. За корейский вопрос ухватились они для поднятия своего меркнувшего престижа в стране». Взрыв шовинистических страстей охватил японскую буржуазию и помещиков. «Нынешнее министерство защило слишком далеко в жгучем корейском вопросе, и перед распалёнными общественными страстями оно, если бы и хотело, не может отступить»¹⁰³.

⁹⁸ Об этих опасениях говорит документ, составленный двумя князьями и 19 членами верхней палаты и обращавший внимание императора на то, что в случае продолжения конфликта правительства с парламентом «накипевшее народное недовольство разорвёт все оковы и поведёт к полному подрыву управления страной». См. M. Brandt. *Drei Jahre Ostasiatischer Politik*, S. 13—14. Stuttgart. 1897.

⁹⁹ Tatsu Takeuchi. *The war and diplomacy in the Japanese empire*, p. 11. New York. 1935.

¹⁰⁰ См. «Japan Daily Mail» и «The North China Herald». См. M. Brandt. Указ. соч., стр. 28; W. Langer. *The diplomacy of imperialism*. Vol I, p. 173. New York. 1935.

¹⁰¹ См. P. Treat. *The diplomatic relations between the United States and Japan, 1853—1895*. Vol II, p. 460. Stanford University. 1932.

¹⁰² W. Langer. Указ. соч. Т. I, стр. 173.

¹⁰³ АВПР. МИД. Яп. стол. 1894. № 889, л. 186. Донесение Хитрово от 27 (15) июня 1894 года. Из членов правительства Хитрово считал убеждёнными приверженцами войны военного министра графа Ояма, графа Сайго, начальника бюро морского коман-

Маскируя подготовку своей агрессии против Кореи, японские публицисты и политики в 1890—1894 гг. усилили пропаганду, враждебную России. Анализ этой пропаганды может лишь подтвердить вздорность легенды о том, что нападение Японии на Китай было вызвано «обороной» от России, и поможет выяснить роль враждебной России политики Англии для развязывания японской агрессии.

Переходя с 1890 г. к более активной агрессивной политике в корейском вопросе, японские военно-феодалы и буржуазия надеялись широко использовать в своих интересах противоречия между Россией и Англией и между Англией и Францией.

Решающее значение для развязывания японской агрессии имела позиция сильнейшей на море державы — Англии. Вопрос о позиции Англии весьма занимал японскую печать и правительство. В англо-русских противоречиях они видели залог своего успеха и основное условие, развязывавшее им руки для войны с Китаем. Используя враждебность Англии и России, японские политики мечтали завоевать господство над Восточной Азией.

В 1889 г. министр земледелия и торговли Тани представил записку, высказываясь в ней против всякой поспешности в вопросе о пересмотре договоров, и подал в отставку. Свою точку зрения он мотивировал тем, что выгоднее было бы выждать наступления замешательства или войны в Европе и выступить лишь тогда, когда Япония приобретёт значение силы, в руках которой находится политическое равновесие на Дальнем Востоке. «Если к этому времени, — писал Тани, — мы будем иметь 20 сильных военных судов и армию в 100 тыс. человек, мы сможем удерживать равновесие между западными нациями и обнаружить твёрдость по отношению к западным державам. Тогда, если бы произошла война между Англией и Россией, Россия могла бы совладать с Англией, привлеки нас на свою сторону, а Англия помогла бы сокрушить Россию, если бы заключила союз с нами. В случае войны между Китаем и Францией наши отношения с Россией были бы такими же, как только что изложенные»¹⁰⁴.

Расчёты, изложенные в этой записке, лежали в основе агрессивных замыслов правящих классов Японии и вели к бредовой идее о Японии как вершительнице судеб Восточной Азии. Из этих соображений исходили сумасбродные планы Оиси и других наиболее оголтелых представителей японской захватнической политики. Вопрос был лишь в том, как выгоднее использовать англо-русские противоречия и с кем лучше заранее сблизиться¹⁰⁵. Тенденция японской печати и публицистики к сближению с Англией против России явно перевешивала и была основной, тогда как толки печати о «союзе» с Россией возникали обычно лишь для того, чтобы припугнуть англичан и побудить британскую дипломатию к уступкам в деле о ревизии договоров.

Весьма интересно и важно отметить, что, упоённые своей бредовой идеей о всемогуществе Японии на Дальнем Востоке, как державы, от которой зависит «равновесие сил», некоторые японские публицисты, проговариваясь, открыто заявляли, что Японии совершенно не следует опасаться России и считать Сибирскую железную дорогу угрозой для

дования адмирала Кобайяма и председателя верховного совета графа Ямагата. Министра иностранных дел Муцу Хитрово наивно относил к числу лиц, не желавших доводить дело до войны и «увлечённых» водоворотом событий.

¹⁰⁴ T. Depnet. *Americans in Eastern Asia*, p. 526—527. New York. 1922.

¹⁰⁵ По утверждению «Japan Daily Mail», в Японии были сторонники сближения с Англией и Китаем против России; сторонники союза с Россией против Англии и Китая; сторонники «нейтрального» положения и свободы рук для наиболее выгодного использования обстоятельств. АВГР. МИД. Яп. стол. 1891. № 896, л. 106—107. Донесение Шевича от 15 (3) марта 1891 года. Никакого принципиального значения эти разногласия в тактических соображениях, разумеется, не имели.

себя. Мы приведём некоторые из этих высказываний, наглядно показывающих нелепость басни о том, что Япония, нападая в 1894 г. на Китай, «оборонялась от России». Официозная «Ници-Ници Симбун» весной 1891 г. опубликовала длиннейшую статью под названием «Приезд будущего русского государя». Статья эта была написана перед посещением Японии русским наследником престола, которое окончилось известным покушением на него в г. Отсу¹⁰⁶. Действительное значение этой статьи было гораздо более серьёзным: она представляла обширный трактат о русско-японских отношениях. Статья лицемерно рекомендовала радушную встречу русского наследника, но отрицала важное значение предстоящего визита и утверждала, что Японии нечего бояться России, тогда как последняя «несколько заискивает перед Японией». Газета самоуверенно объявляла Японию «самой влиятельной» державой на Дальнем Востоке, потому что она «служит здесь балансом политического равновесия», и нагло утверждала, что, сколько бы железных дорог ни проводила Россия в Сибири, она не может быть уверена в своей безопасности на Дальнем Востоке без поддержки Японии. Особенно интересно то, что газета считала Англию врагом Китая, как оно и было на самом деле. Вместе с тем газета откровенно признавала, что «Россия вовсе не питает на Востоке агрессивных намерений по отношению к другим державам, а, напротив, сама находится в затруднении насчёт охраны собственных владений»¹⁰⁷.

Что статья японского официоза не была только попыткой умалить в глазах общественного мнения значение визита русского наследника в Японию, показывает обсуждение вопроса о Сибирской железной дороге в Японии в последующие годы. Японская печать уделяла этому вопросу особое внимание. Большую популярность в Японии приобрела в 1892 г. книга упомянутого уже выше Инагаки Мандзиро «Исследование о Сибирской железной дороге». Инагаки был известен своими памфлетами и лекциями по вопросам внешней политики. Его книга — яркое свидетельство созревания в Японии панasiatской доктрины японской агрессии. Он заявлял, что после проведения Сибирской железной дороги Англия и Китай будут бессильны против России, и всячески подстрекал эти страны против России, но Японии, по его словам, не только не следовало опасаться России и её железных дорог, но надо было воспользоваться Сибирской дорогой для японского проникновения в Сибирь и построить для этого военный и торговый порт в Майдзуру, в кратчайшем расстоянии от Владивостока. Царское правительство не имело, по его мнению, финансовых средств и вооружённых сил для войны на Дальнем Востоке, и Инагаки рекомендовал союз Японии с Англией и Китаем против России, хотя и осуждал упорство Англии в вопросе о ревизии договоров¹⁰⁸.

Мысль об использовании Сибирской железной дороги для торгового и колонизационного внедрения японцев в Сибирь была подхвачена японской печатью в 1893 г., писавшей о необходимости экономического про-

¹⁰⁶ Николай получил сабельный удар по голове от японского полицейского из самураев, приговорённого затем к пожизненной каторге. Путешествие наследника по Японии было прервано.

¹⁰⁷ «Ници-Ници» приводила данные, вполне в общем подтверждающиеся русскими источниками, о недостаточном вооружении русских портов и о том, что в Сибири в распоряжении царского правительства на 8 тыс. вёрст границы приходилось всего до 100 тыс. войск, включая резервы. Сравнивая мощь России в Европе с «рыкающим львом» или «разгневанным слоном», газета нагло писала, что на востоке Россия подобна «ручной овечке или спящей кошке» и бояться её всё равно, что пугаться «тигровой шкуры». АВПР. Яп. стол. № 896, л. 135—137, 140, 141, 144, 146. Приложение к донесению Шевича (в русском переводе) от 30 (18) марта 1890 года.

¹⁰⁸ Записка студента русской миссии в Токио Распопова с изложением «труда» Инагаки и переводом на русский язык его IX главы под названием «О готовности Японии перед Сибирской железной дорогой». АЗПР. МИД. Тихоок. стол. № 486. К. 3. 1889—1897, л. 103 сл.

никновения в дальневосточные окраины России¹⁰⁹. Газета «Иомнури» сообщала, что в г. Миодзу образована «японо-русско-корейская акционерная торговая компания, учредителями которой являются депутат Комуци и капиталисты Комура и Кавасе»¹¹⁰. Капитал компании составлял 200 тыс. иен, и она собиралась вывозить из Японии рогатый скот и ввозить морские продукты. В г. Ниигата были основаны Общество японо-русской торговли¹¹¹ и Общество переселения японцев в Сибирь с целью её «изучения», т. е., попросту говоря, сбора разведывательных сведений¹¹².

Отсутствие каких-либо действительных опасений относительно России у ряда японских политических деятелей подтверждается не только приведёнными выше более откровенными заявлениями японских газет и публицистов, но и тем обстоятельством, что японское правительство вело войну с Китаем, совершенно пренебрегая возможностью вмешательства России с целью помешать японскому захвату Порт-Артура. Но из японской прессы и из уст политических ораторов часто исходили и противоположные утверждения: что Россия может «опередить» Японию в Корее. Эти утверждения прежде всего имели целью оправдать японскую агрессию и придать ей «оборонительный» облик. Препанды в этом направлении особенно развернулись в 1894 г., в период непосредственного назревания и развязывания войны с Китаем. Так, например, «либеральная» газета «Дзю» приписывала России фантастическое намерение основать в Корее земледельческие колонии и оккупировать её¹¹³. Пугало ещё не назревшей агрессии царизма в Корее пустил в ход и главарь «Кайсинто» Окума, заявив, что захват Кореи «европейской державой» поставил бы под угрозу «независимость» Японии. Ямагата в интервью 29 июня сказал, что он стоит за энергичную внешнюю политику и что если другие державы не удовлетворили своих захватнических намерений в отношении Кореи, то лишь вследствие слабости своего сухопутного транспорта, и что «Японии не следует ждать, пока Россия окончит Сибирскую железную дорогу, а Франция утвердится в Сиаме». Японские захватчики стали раздувать толки о том, что предстоящее усиление России на Дальнем Востоке и франко-русское сближение помешают агрессивным планам Японии. Таким путём японские захватчики пытались придать своим планам видимость «обороны» от России и Франции, хотя речь шла лишь о том, что в будущем Россия сможет затруднить агрессию Японии.

В Корее в 1894 г. распространились японские памфлеты, выставлявшие Сибирскую железную дорогу и усиление России на Тихом океане как причину неотложной необходимости занятия Кореи японцами и войны с Китаем¹¹⁴. На о. Хоккайдо враждебные России настроения были особенно сильны, и там возрождались прежние японские притязания на о. Сахалин¹¹⁵. Часть японских газет, по своему обычаю, грозила Англии возможностью русско-японского сближения, если Англия займёт враждебную позицию. Газета «Нироку Симпо» в статье «Россия и Англия в их отношениях к Японии» писала, что «Англия так же слаба на Балканском полуострове, как слаба Россия на Дальнем Востоке. Вот почему, если Япония примет сторону России, то Англия на Дальнем Востоке

¹⁰⁹ Газ. «Коккай» от 30 (18) марта 1893 г.; «Хокай Симбун» (в Хакодате) от 27 (16) марта 1893 года. АВПР МИД. Тихоок. стол. № 486. К. 3. 1889—1897, л. 111—117. Приложение к депеше Хитрово от 28 (16) марта 1893 года.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ «Коккай» от 9 марта (25 февраля) 1893 года. Там же.

¹¹² «Дзю» от 22 (10) апреля 1893 года. Там же.

¹¹³ АВПР МИД. Яп. стол. К-14. № 899. Донесение Хитрово от 1 февраля (20 января) 1894 года.

¹¹⁴ Записка «Война между Китаем и Японией. её причины и возможные последствия» АВПР МИД. Яп. стол. 1894. № 177, л. 12—13.

¹¹⁵ Копия с донесения вице-консула в Хакодате от 24 (12) июля 1894 года. Там же, л. 56—60.

должна потерпеть неудачу, и если она не желает этого допустить, г. е. если она стремится видеть Японию нейтральной, то ей следует знать, что она обязана согласиться на всякие наши требования, а нейтральное положение Японии необходимо для Англии в видах поддержания равновесия сил её с силами России»¹¹⁶.

Британская дипломатия, как и дипломатия США, сделала всё, чтобы обеспечить себе возможность использовать Японию против России и Китая. В этом объяснение того, что лондонский кабинет и Вашингтон, всё более склоняясь к мысли о поощрении японской агрессии, не помешали японскому нападению на Китай. Английская, японская и американская буржуазия была главным врагом Китая и Кореи.

¹¹⁶ Перевод этой статьи приложен к донесению Хитрово от 4 марта (20 февраля) 1894 года. АВПр. МИД. К-14. № 899. 1894, л. 71—73. Царский посланник в Токио Хитрово расценивал все эти заявления японской печати как «наивные и полные самоумнения разглагольствования». В Петербурге Японию также не считали ещё крупной величиной, и царь на донесении Хитрово ограничился пометою: «Весьма курьёзно!» На угрозы японской печати относительно Англии и заявления её о возможности сближения Японии с Россией и Францией, имевшие целью лишь достичь согласия Англии не мешать войне Японии с Китаем, Хитрово принимал за чистую монету.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА

должна потерпеть неудачу, и если она не желает этого допустить, т. е. если она стремится видеть Японию нейтральной, то ей следует знать, что она обязана согласиться на всякие наши требования, а нейтральное положение Японии необходимо для Англии в видах поддержания равновесия сил её с силами России»¹¹⁶.

Британская дипломатия, как и дипломатия США, сделала всё, чтобы обеспечить себе возможность использовать Японию против России и Китая. В этом объяснение того, что лондонский кабинет и Вашингтон, всё более склоняясь к мысли о поощрении японской агрессии, не помешали японскому нападению на Китай. Английская, японская и американская буржуазия была главным врагом Китая и Кореи.

¹¹⁶ Перевод этой статьи приложен к донесению Хитрово от 4 марта (20 февраля) 1894 года. АВПр. МИД. К-14. № 899. 1894, л. 71—73. Царский посланник в Токио Хитрово расценивал все эти заявления японской печати как «наивные и полные сомнений разглагольствования». В Петербурге Японию также не считали ещё крупной величиной, и царь на донесении Хитрово ограничился пометою: «Весьма курьёзно!» Но угрозы японской печати относительно Англии и заявления её о возможности сближения Японии с Россией и Францией, имевшие целью лишь достичь согласия Англии не мешать войне Японии с Китаем, Хитрово принимал за чистую монету.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦКОГО